

18+

Олег Кокин

От курсанта СВТКУ до майора ВКС в отставке

Олег Кокин

**От курсанта СВТКУ
до майора ВКС в отставке**

«Издательские решения»

Кокин О.

От курсанта СВТКУ до майора ВКС в отставке / О. Кокин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988134-2

Рассказ-воспоминание о не даром прожитых годах, о друзьях-товарищах Самаркандского высшего танкового командного училища и интересных случаях, случавшихся с автором.

ISBN 978-5-44-988134-2

© Кокин О.
© Издательские решения

Содержание

От курсанта СВТКУ до майора ВКС в отставке	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**От курсанта СВТКУ
до майора ВКС в отставке
Олег Кокин**

© Олег Кокин, 2020

ISBN 978-5-4498-8134-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От курсанта СВТКУ до майора ВКС в отставке

*Матерям, отцам и их детям, семидесятих годов, посвящается!
«Жизнь – это не те дни, которые прошли, а те, которые
запомнились».*

*Валентин Гафт. Газета «АНТЕННА-ТЕЛЕСЕМЬ»
№4 2010 года.*

Открываю, выдавший виды, курсантский, а впоследствии и офицерский чемоданчик, цвета пятнистой оранжевой жирафы. Замки еще работают, а вот застёжки и ручка чуть порваны, ну, это ничего, когда-нибудь, может быть, отремонтируем. В нём лежат и давно уже лежат фотографии, альбомы с фотографиями – этими кусочками застывшей и запомнившейся мне моей жизни. Застывшие жизни ребят, с которыми я рос, играл, учился, хулиганил и бедокурил. Мои друзья и товарищи тоже где-то бывали, что-то совершали, служили Родине, героически погибали, просто погибали и умирали от болезней, просто жили и жили для кого-то и чего-то, которые живут сейчас с нами и жить дальше будут в нашей памяти, в детях и внуках своих.

Еще в седьмом классе мать и отец провели со мной воспитательный курс выбора профессии. Она и он рассказывали про моих дедов, своих отцов и соответственно направляли мои мысли на приобретение военной специальности. Отец хотел, чтобы я выбрал артиллерию. Мать хотела, чтобы меня содержало государство. Очень мне было интересно перебирать и смотреть отцовы фотографии, на которых он был сфотографирован со своими сослуживцами. В армию его взяли, по повестке конечно, в 1947 году, когда ему исполнилось девятнадцать лет. До девятнадцати годов он был на брони в колхозе. Как он объяснял, в колхозе мужиков было, кроме председателя колхоза – однорукого инвалида – еще трое малолетних ребят. Это значит, мой отец был один из троих мужиков. На этих трех мальчишках держалась вся механизация и конный двор колхоза. Естественно пока они не подросли и поняли, что надо не в игры играть, а пахать с утра до ночи на работах в колхозе, чтобы колхоз план давал. А работникам шли в зачет трудодни и в итоге натуроплата = соломой, картошкой, зерном, семечками, овощами, молоком, мясом, шерстью и так далее, то есть, всем тем, что оставалось у колхоза в излишке после сдачи урожая государству по плану. Последним участком работы в колхозе у отца была база МТС. Он с напарником получил от председателя колхоза новенький колесный трактор – универсал Владимирского тракторного завода. Передние управляемые колеса трактора были полностью железные. Железные обода колес на железных же спицах. Ведущие задние колеса тоже были полностью железные, но с косыми грунтозацепами по наружному диаметру обода, чтобы можно было и по рыхлой земле, и по грязи, и по снегу ездить на этом тракторе и не скользить. И вот поздно вечером после очередного прохода при вспашке зяби (земли то есть, на зиму), отец мой подозвал своего напарника, попросил его попахать землю, пока он полежит на травке, отдохнет.

– А то, что-то глаза слипаются – сказал, спрыгнул на землю, отошел к вспаханному участку земли, вышел на край поля и на травке прилёг.

Потом рассказывал, что случилось, и сам удивлялся. Говорит, «спал как убитый, и вдруг сон такой яркий и короткий. Будто бы, немецкие самолеты в небе налетели тучей на бомбёжку Воронежа, а здесь наши истребители вынырнули от солнца. Разгоняют немецкие бомбардировщики – «юнкерсы» и сбивают их один за другим. Но тут, помощь немцам подоспела, ихние «мессершмиты», истребители – охранники бомбардировщиков, по-простому «мессеры», начали наших «яков» отгонять от «юнкерсов». Трескотня от авиационных пушек и вой самолетных двигателей были еле слышны. И, вдруг, говорит, вижу, один наш «як» зады-

мил и полетел к земле. И главное, дымит, и летит прямо на меня. И так это обидно стало, вон, сколько наши сбили «юнкеров», и они упали далеко от нас, а здесь свой на своих падает. Хочу убежать, а ноги не двигаются. Между тем, вой стремительно приближавшегося подбитого «яка» перерос в громкое потрескивание сгорающей обшивки самолета. Ну, думаю, всё, хана тебе Колян, и торопливо в уме прощаюсь со всей роднёй. Ноги у меня подкосились, и я упал. Тут-то сон и закончился. Неожиданно тихо стало. Слышу, будто мать меня зовет:

– Коля, Коля вставай уже, хватит спать.

А потом грубым мужским голосом:

– Да очнись ты, ядрена вошь, это что ж мне теперь будет?

И трясет меня за плечо. Открываю глаза, вижу своего напарника и спрашиваю его, еще не отойдя от сна:

– А «як» -то где?

– Какой такой «як», – кричит мне напарник,

– Это я на тракторе по тебе проехал, ты хоть живой, а? – И сам меня ощупывает всего, прям как бабу, какую.

Оттолкнул я его руки, встал на ноги и теперь уж сам себя охлопал и по спине, и по рукам, и по голове, и по ногам. Чувствую что-то липкое на одной штанине, потом понял, кровь это.

– Вот – говорю,

– Штанину мне порвал и шкурку с лодыжки содрал до крови.

И попрыгал на ногах, кости вроде все целые и нигде не болят. Напарник уже на траве сидел и смотрел, как я прыгаю. Потом сам прыгать стал, похлопывать меня по плечам и приговаривать:

– Ну, ты даёшь, ну, ты даёшь!

Оказывается, мой напарник – то весь оставшийся клинышек зяби вспахал и, выйдя на край поля, поехал к моей лёжке. А сам – то на последнем заходе тоже носом клевал. И тут клюнул. А открыл глаза, и меня, задавленного, увидел под колесами. Чуть отъехал, заглушил трактор и ну, давай, меня тормозить, в чувство приводить. Потом, как мы с ним окончательно проснулись и глянули на то место, где я спал, а он меня переехал, то увидели следы трактора, которые проходили по вспаханному полю, и только левой стороной прошли над моими ногами. А ноги мои, после моих поворотов и разворотов на «мягкой постельке» легли, аккуратно, в запашные борозды края поля. Поэтому я и почувствовал только легкое давление на ноги, когда переднее левое колесо проехало по ним, а когда заднее колесо наехало на мои многострадальные ноги, то они попали между грунтозацепами колеса, которые не провалились на сухой твёрдой земле, и как – будто перешагнули через меня, и содрали кожу с лодыжки». В этом месте рассказа отец многозначительно обводил всех слушателей вопросительным взглядом, типа спрашивайте, а то потом будет поздно, и если вопросов не возникало, многозначительно поднимал указательный палец правой руки и радостно сообщал нам, что вот так он родился второй раз. Так как мой отец был самым младшим сыном в семье Кокина Михаила и своей матери, моей бабушки Анисьи, то во время войны он в семье оставался единственным мужчиной. Всех мужиков призвали на войну. И деда Мишу, в пехоту на Волховский фронт. Там он и погиб, подорвавшись на mine. Пусть земля ему будет пухом и вечная память ему, нашему защитнику. Старший брат отца, мой дядя Вася с честью отвоевал всю войну и пришел домой в деревню Криуша Воронежского района после разгрома Квантунской Армии на Дальнем Востоке. Средний брат отца, забыл я, как его зовут, с войны так и не вернулся. У бабушки осталось только извещение, что Ваш сын пропал без вести под Ленинградом. Сколько потом отец не искал его по военным архивам, сколько ни писал в Министерство Обороны, ответ был один и тот же – пропал без вести. Еще один средний брат отца погиб на войне, приходила похоронка. Тоже вечная память ему! Сестра отца Мария после войны вышла замуж и переехала жить в Одессу. Забрали отца в армию и сразу направили в ГСВГ, в город Вюнсдорф. Там он прошел обучение

в артиллерийской учебке. Получил младшего сержанта артиллерии. Когда имел уже чин старшего сержанта и должность замкомвзвода артдивизиона, познакомился с земляком – младшим сержантом Брянкиным Александром Николаевичем, только что прибывшим из учебной артиллерийской части на должность командира отделения ВУДа (взвода управления дивизиона). В дальнейшем неоднократно ездили вместе в отпуска на родину, один в Воронеж, другой в Тамбов. В этих отпусках младший Брянкин А. Н. и познакомил свою старшую сестру Раису (мою маму) с моим отцом Кокиным Николаем Михайловичем. У моей матери в семье, кроме двух сестер, мужиков было двое – это дядя Шура и её отец, мой дед по матери Брянкин Николай Николаевич. Он в звании старшего лейтенанта и в должности командира танкового взвода погиб под Сталинградом, сгорел в танке, как было написано в похоронке. Так, наверное, было надо – грудью защищать своих родных и близких, свою Родину, жертвуя свою жизнь для продолжения жизни своих детей и семьи. Вечная память погибшим на войне и спасшим нас от порабощения фашистами!!! Под влиянием всех родительских рассказов и патриотических настроений того времени (холодная война между СССР и капиталистическими странами не только продолжалась, но и усиливалась), я с мамой в феврале тысяча девятьсот семьдесят первого года прошел медицинскую комиссию для поступления в суворовское училище в городе Ленинграде. Из школьных и уличных друзей меня в моих начинаниях никто не поддержал, и я по окончании восьмого класса, с собранными в военкомате документами и в сопровождении отца убыл в город Ленинград. Ехали на поезде с Тамбова с пересадкой в Москве. Это мне не запомнилось. Запомнилось прибытие в Ленинград, красивый город. Он поразил меня своей чистотой, зеленым морем деревьев, травы и цветов и, конечно, воздухом. Воздух был необыкновенным, волнующим и многообещающим. Поэтому я прибыл с отцом в суворовское училище с хорошим расположением духа. И первые два экзамена по математике и физической культуре сдал на «отлично». Военная форма суворовцев мне очень понравилась. Не знаю почему, но отец после сданных мною двух экзаменов, уехал домой. Сказал, что его ждут на работе, а ты Олег, то есть я, справишься теперь и один. Я не справился. Получил две двойки по оставшимся экзаменам и в канцелярии роты мне вручили обратные проездные документы домой еще с одним провалившимся из Тамбова. До отбоя я просидел на чердаке учебного корпуса, сильно переживая данный факт непоступления в училище, глотая злые слезы от обиды на всех и вся. Так мы с тамбовским мальчиком и поехали вдвоем назад несолоно хлебавши. Выйдя из расположения суворовского училища следующим вечером, на трамвае добрались до вокзала, купили билеты и до отправления поезда где – то около часа сидели на лавочках в привокзальном сквере. Смотрели, как целуются влюбленные парочки. Смотрели на Неву поверх каменных парапетов. До сих пор грусть, тоска одолевают, что не пришлось жить и учиться в таком красивом городе. Городе всяческих доблестей. Городе-Герое Ленинграде.

Дома меня так быстро назад не ждали. Мать меня увидела и спросила, наверное, от растерянности:

– А ты откуда?

Отца дома не было. Я сказал, что не поступил, и буду учиться до окончания десятого класса здесь, в Знаменке. Время уже было, наверное, десятое сентября. В школе меня тоже не ждали, но сразу записали в мой бывший «А» класс. Два года пролетели быстро. Всё лето, между девятым и десятым классом, работал с дядей Шурой в его совхозе на уборке урожая помощником комбайнера, в местном просторечии – штурвальным. По договору с дядей Шурой моя мать получала каждый месяц расчет вместо меня. Я был прост и особо не напрягался по этому поводу. Потому, что мать мне пошила в Доме Быта брюки – клёш по моему заказу, и ещё потому, что к десятому классу я носил собственноручно заработанные и самим купленные в магазине наручные часы «Полет». Это был полный «атас» или «улёт» в глазах наших одноклассниц. Кстати, в этом же году, примерно в октябре месяце, к нам домой заехал переночевать дядя Шура проездом из Москвы. От новости, рассказанной дядей Шурой, мой папа

и моя мама, образно говоря, попадали со стульев. Дяде Шуре в Москве, в Кремле вручили орден Ленина за его трудовые победы в уборке урожая, как механизатору широкого профиля. Естественно, поздравлениям не было конца, и все взрослые – пьяные, сытые и довольные, спать легли только с первыми петухами.

Учеба в школе и в частности в десятом классе меня не затрудняла и время неумолимо двигалось к началу моей собственной, самостоятельной жизни. Надо было думать самому, кем становиться в реальной жизни, как зарабатывать на жизнь для себя, если будет жена, то и на жизнь жены, если будут дети, то и на жизнь детей. А выбор был большой. Можно было стать комбайнером, как дядя Шура, или шофером, как отец. Или стать вором, такой вариант тоже присутствовал в мое время, и местные «урки» нередко проводили душевные беседы с нашим подрастающим поколением и на своем уголовном языке рассказывали нам о романтике воровской жизни. Можно было стать инженером, и идти работать на какой –нибудь завод. Много каких профессий можно было выбрать. Но глубоко покопавшись в своей еще мало чего повидавшей душе, выбрал я профессию военного офицера, ту профессию, к которой и подталкивали меня и мать, и отец. Соседский парень, Мишка Агафонов, третий год учившийся в военном летном училище, отговаривал меня идти в военные, говорил, что времени свободного совершенно не будет, по девкам не побегаешь, только в отпусках, и работать будешь не на себя, а на государство. Потом, видя, что разговаривает с упертым в своем мнении хлопцем, плюнул, сказал, да делай что хочешь, и побежал на свидание с очередной пассией. Когда брал направление на прохождение медицинской комиссии в нашем военкомате, то пожилой старший лейтенант с военкомата тоже описывал тяжелую жизнь военного в мирное время и страшную, с тяжелыми ранениями, а то и со смертью, жизнь на войне. Опять я уперся и не дал себя отговорить, по одной простой причине, а именно – жизнь, что на гражданке, что в войсках, всё одно жизнь. А уж смерти бояться, то уж вообще не жить, проще лечь и помереть. А про тягости и лишения военной жизни я был наслышан не только в школе, но и дома. И своими глазами видел и трогал руками в далеком 64 году и танки Т-34 и танкистов, что проходили маршем через наше село с Дуплят-Маслово на погрузку к железнодорожной станции в Кариан-Строганово и остановились прямо напротив сельской чайной, чтобы прикупить поесть – покурить. Это были мощные машины, уже повидавшие немало на своём железном веку. А танкисты, так те вообще, казались нам, малолеткам, рыцарями войны. Все в черных комбинезонах, в кирзовых сапогах, у которых голенища в гармошку, у кого шлемофоны на головах, у кого за спину закинута, и держатся только на ремешках переговорного устройства. Это была фантастика наяву. Короче, мозаика сложилась у меня в голове. И, зимой, к Новому 1973 году, я уже точно знал, что буду поступать в танковое училище. Оставалось уточнить, в какое. То ли в командное, то ли в инженерное. Неоднократно перечитывал про все танковые училища в Союзе, когда забредал, будто ненароком, в читальный зал военкомата. Посоветовавшись с отцом, решил сначала пройти медкомиссию. Это было в феврале или в марте. Затем пошел в военкомат писать заявление на поступление в училище. Вот тут – то «репу» свою я почесал изрядно. Оказывается, конкурс – то при поступлении в инженерные танковые училища был очень высоким (15—18 человек на одно место), а в командные танковые училища более – менее (5 – 7 человек на место). То есть, если я хотел стопроцентно называться курсантом военного училища, то с моей нерешительностью и боязнью остаться опять за бортом военной жизни, надо искать такое училище, в которое меня примут таким, какой я есть. Уже думал поступать в Омское высшее танковое инженерное училище, там и конкурс при поступлении не очень большой был, но военком, часто видя меня за просмотром материалов по танковым училищам, советовал подавать документы на поступление в новое, только что открытое для поступления, танковое командное училище в городе Самарканде. Это был наилучший вариант. Я так и сделал. В начале апреля 1973 года собрал необходимые документы и отдал военкому на отправку в это училище.

А впереди были выпускные экзамены за десять классов средней школы, последний звонок на всеобщем построении школы. И выпускной вечер. На экзаменах не было никакого мандража, все сдал на отлично и хорошо. Последний звонок прозвенел для меня и остальных выпускников сигналом о начале новой самостоятельной жизни. После выпускного вечера в актовом зале школы и вручения нам аттестатов о среднем образовании были танцы с нашими девчонками, нашими учителями, и нашими родителями в этом же зале. Дома все было по-прежнему. Татьяна уже два года как жила у тети Вали и училась в Москве в медицинском училище. Меньшие братья – Колька и Игорек были на заслуженных летних каникулах после учебных трудов праведных. Мать с отцом работали от зари до зари на своих работах, пытаясь свести концы с концами. Нас – детей своих – одеть, обуть, накормить и в люди вывести. Да и о себе и хозяйстве с домом не забыть, что – то прикупить, что – то построить, кого – то вырастить из живности, картошкой и другими припасами запастись. А я, значит, скоро буду, если все сложится нормально, на вольных хлебах. Спасибо матери и отцу за их заботу, доброту и ласку. Перед отъездом в узбекский город Самарканд целый день бродил, как потерянный, по всем знакомым местам моего рабочего поселка. В конце концов, вышел к реке Цна за кладками, сел на обрывистом бережку, ноги к воде свесил и все думал и гадал, что же дальше – то будет. Настроение было и тоскливое, и будоражащее в одно и то же время. Тоска одолевала, что разлучаюсь почти навсегда со знакомыми до дрожи в сердце местами, с ребятами и девчатами, с которыми было так интересно играть, учиться, работать и познавать радость привольной жизни под крылышком мамы и папы. Будоражила сознание мысль, а как буду жить один, без родимого дома, как меня встретят на новом месте, что есть я, и что есть государство, на которое я собираюсь работать в качестве офицера. Будущая военная деятельность мною была обдумана и взвешена на всяческих моральных, материальных и деловых весах моего мировоззрения. Моего отца как будто кто подзуживал, да и мать ему в этом не перечила, а он предложил мне оформить прическу на голове под «ноль», мол, все равно едешь в военное училище поступать, там так и так обреют. Предложено, сделано, подстригся под «ноль». Собрали с отцом и матерью дорожные вещи мне, какие положено документы, проинструктировали, как ехать, как пересадку в Москве делать, что в дороге есть и пить можно, а что нельзя. Дали денег с собой, мать меня поцеловала, с братьями по очереди обнялись на прощание. Отец поехал со мной на ж/д станцию Кариан-Строганово, чтобы самолично посадить в вагон. Приехали на станцию, купили мне плацкартный билет до самого Самарканда, через Москву, через Ташкент с пересадками. Ничего, подумал я, два года назад тоже с пересадками ехал домой с Ленинграда почти один, с попугачиком, мальчиком из Тамбова. Все прошло нормально. И сейчас будет нормально. Мы с отцом вышли из здания вокзала и начали прохаживаться по перрону в ожидании поезда на Москву. Отец закурил беломорину. Вдруг, смотрю, отец чего-то напрягся. А это милицкий наряд железнодорожной милиции направлялся в нашу сторону. Подошедший старший сержант махнул рукой около своей головы, типа честь отдал, и суровым голосом потребовал у меня показать мои документы. А я-то думал, что отца за курение на перроне штрафовать будут, а тут на меня наезжают. Не стал я выделываться, знал, что себе дороже выйдет. Открыл маленький чемоданчик, с которым мой отец постоянно в командировки ездил, а теперь стал моим, достал паспорт и направление военкомата, дал почитать старшему сержанту. По завершению чтения моих документов, старший сержант извинился за беспокойство, сам четко отдал мне честь и рядового заставил отдать нам честь. Я спросил отца, а чего он документы проверял у меня, а у него и не попросил. Отец сказал, что узнает. Сходил, узнал. Оказывается из исправительной колонии для несовершеннолетних города Тамбова убежали несколько заключенных, теперь их ищут. А так как я подстрижен налысо, у милиции появились подозрения насчет лысого молодого парня и они решили проверить документы у меня. Мы с отцом облегченно посмеялись над нашими страхами. Подошел мой поезд с Камышина, отец крепко пожал мне руку и наказал вести себя образцово, в дороге быть поближе к семейным парам, лучше, если

они с детьми. Я пообещал вести себя хорошо и прошел в вагон, на свое место. Днем за окном вагона наблюдались проплывающие частные дома деревень и поселков средней полосы России, где видны были раздолбанные грузовыми машинами непролазные колеи грунтовых дорог, в некоторых местах колеи утыкались в огромные лужи, напоминающие собой маленькие озера грязной воды. Потом сквозь редкие посадки лесополос проглядывали застывшие неоглядным ковром поля золотистой пшеницы, темно-желтой ржи. Глаза отдыхали, когда проезжали поля с зеленой ботвой сахарной свеклы. В сумерках вечера или уже ночью поезд прибывал в очередной город по пути следования. В утренние часы проехали огромный мост через реку Волга в районе города Саратова. Теперь вдоль железной дороги деревьев в больших количествах не было видно. В основном, отдельно стоящие ветлы и кустарник. Начались Оренбургские степи. До сих пор помню теплый, как у бабушки в деревне на печке, безветренный глубокий вечер с яркими вокзальными фонарями, подчеркивающими черноту ночи и летающих, как бабочки, летучих мышей на вокзале города Чарджоу. С соседями по купе прикупил дорожной еды, вареную картошку, соленые огурцы, вкрутую сваренные куриные яйца, пучок зеленого лука и две бутылки ситро. На ужине, в двигающемся поезде, соседи угостили меня куриной ножкой от жаренной курицы, я в ответ предложил пользоваться моими запасами. Семейство в моем купе вино и водку не пили, мне это было на руку, не надо было себя сдерживать. Все свободное светлое время суток или наблюдал за мелькающим пейзажем снаружи мчащегося поезда, или читал прихваченные из дома с собой учебники. Казахские солончаки и песчаные барханы пустынь Узбекистана меня не вдохновили. Лежащие и стоящие в селениях облезлые верблюды жевали вечную жвачку, немногочисленные машины ГАЗ-51 и ЗАХАРЫ куда-то пылили, пыль стояла столбом. На каждом полустанке, при остановке поезда, местные жители, от мала, до велика, предлагали пассажирам купить у них копченую рыбу. Не знаю ее названия, но пахла она умопомрачительно вкусно. Но я деньги особо не тратил, знал, что основные траты впереди. Ташкент промелькнул вокзалом и пересадкой. До Самарканда ехал на поезде одну ночь. Весь путь в поездке проделал одетым в трико и майку, жарко было. Перед остановкой поезда на вокзале Самарканда, привел себя в порядок, переоделся в брюки и рубашку. Утром поел легко, пирожки из вокзального ларька и ситро. С Самаркандского вокзала на рейсовом автобусе до остановки «Дальний лагерь» добрался без приключений. Словоохотливые пассажиры автобуса показали тропинку до КПП училища. В голове билась только одна мысль, я должен поступить в это училище. После проверки моих документов, дежурный курсант отправил со мной одного дневального, чтобы он довел меня до начальников из администрации сборов абитуриентов. Там еще раз проверили документы и в сопровождении одного, ранее приехавшего, абитуриента определили мне койко-место и тумбочку под огромным навесом в бывшем парке автотехники, огороженным со всех сторон бетонным забором. Началась новая жизнь в абитуре. Первым делом пошел и прочел названия предметов вступительных экзаменов, хотя я их знал из проспектов, прочитанных в военкомате, к ним я и готовился, и привез учебники по ним. Организация досуга, приема пищи, подготовка к экзаменам была организована нормально. К нам в распоряжение несколько раз приходил начальник политотдела училища полковник Буданов Д. И. и другие официальные лица администрации. Смотрели, выборочно проверяли чистоту и порядок под навесами, где стояли в несколько этажей наши панцирные койки, придинок не было, все было в полном порядке. Начальник политотдела училища выступал перед находящимся составом абитуриентов о правильном поведении в нашем коллективе, о необходимости качественной подготовки к вступительным экзаменам, и о многом другом. Мы, абитуриенты, прибыли с разных мест СССР, и естественно, искали своих земляков. Так я впервые познакомился с Бочаровым Павлом и Александром Шубиным с Липецка, с Колей Гвоздевым, тоже оттуда, Николаем Левичевым со Смоленска. И вот настал день первого экзамена, в нашем потоке это была математика. Расселись по вариантам, нам роздали задания и засекали время. Я пробежался взглядом по примерам и задачам, они оказались мне знако-

мыми. Первую задачку я решил быстро, тут моей помощи попросил сосед, я ему помог решить пример. А время-то бежит, многие, решившие свои задания, уже сдали ответы экзаменатору, а я мучился с последними своими двумя примерами. Потом быстренько записал ответы и сдал принимавшему экзамены преподавателю. Через сутки вывесили результаты нашего экзамена по математике. У меня стояла тройка. «Ничего, еще поборемся!» не упал я духом и решил попросить пересдать, потому что в аттестате за десять классов по математике у меня стояла «пять». Не разрешили, сказав, что все сдают экзамены один раз. По физическим испытаниям, бег на сто метров, кросс один километр, подтягивание на большее количество раз, я получил твердую «четверку». И воспрял духом. Третьим экзаменом была физика, письменно. Здесь я сдал экзамен на «двойку». Теперь мне было все равно, как я сдам четвертое испытание, по любому, баллы у меня будут непроходные. Три дня, отпущенные абитуриенту на подготовку к следующему экзамену, я провел, то слоняясь без дела по территории, занятой абитуриентами, то стираясь и купаясь в прохладном водоеме с чистой водой на нашем участке, бывшей емкости на посту мойки машин. Размышляя о напутствии родителей, об их вере в мои силы, я надумал, что мне нужно после экзаменов лично поговорить с начальством училища о моей готовности служить Родине в качестве офицера-танкиста. Поэтому при сдаче последнего экзамена по русскому языку и литературе, письменно, я выбрал написание сочинения на вольную тему «С кем я пошел бы в разведку». В этом сочинении я в полной мере осветил характеристики парня, с которым я пошел бы в разведку, по воспоминаниям отца и дяди о своих войсковых товарищах, по прочитанным мною книгам Валентина Катаева, Максима Горького, Александра Фадеева. В итоге получил оценки через дробь, по литературе – «пять», за приведенные к месту выдержки из книг и интересное повествование, по русскому языку – «два», за плохое знание наклонений, спряжений и постановки знаков препинания в русском языке. Меня такие оценки не огорчили, я и в школе также учился. Всех сдавших вступительные экзамены по истечении двух, трех дней вызывали на мандатную комиссию, которая решала судьбу абитуриента. Или он едет домой, или остается в училище курсантом, учиться профессии офицера Советской Армии. Всех, принятых на учебу курсантами, переодевали в поношенное, но чистое обмундирование без погон, «мабуту», и уводили в казармы первого учебного батальона на «ПМЖ». Как же мы им завидовали. Себя в списках поступивших, я уже и не надеялся увидеть, потому что количество абитуриентов, живущих на территории сборов с каждым днем уменьшалось и уменьшалось, а нас «двоечников» никуда не вызывали, ни на мандатную комиссию, ни за обратными проездными документами. Я накрутил себя до того, что решил с утра следующего дня идти с заявлением к командованию училища, чтобы меня приняли на учебу. Видно, провидению было доложено о моем желании, и на следующий день мы читали распоряжение администрации о прибытии к десяти часам на мандатную комиссию таких-то и таких абитуриентов, там была и моя фамилия. Я понял, этот шанс надо использовать на полную катушку. Долго ждал своей очереди в тенечке раскидистого тутовника в компании приглашенных. Трое или четверо парней, со слезами на глазах, уходили с мандатной комиссии за обратными проездными документами, их учиться не приняли. Вызвали меня. Зашел, перед столом, занятым членами комиссии, остановился и четко доложил о прибытии. Военные и гражданские дядечки посоветовались минут пять, потом главный из них спросил меня, а почему я хочу поступить в их училище. Наконец-то дали волю моему языку, я вспомнил о своих дедах, погибших на Великой Отечественной войне. Сказал, что хочу служить в танковых войсках так же хорошо, и предано, как геройски воевал мой дед по матери старший лейтенант Брянкин Николай Николаевич, командир танкового взвода под Сталинградом, где и погиб, сгорел в подбитом немцами танке. Рассказал о желании моего отца, гвардии старшины в запасе артиллерийского дивизиона, вырастить меня артиллеристом, а так как у танка есть орудие, то все сходится, я должен учиться в вашем танковом училище, чтобы одновременно стать и танкистом и артиллеристом. Меня попросили подождать решения комиссии на улице.

Я вышел и опять устроился с ребятами под тутовником. Ребята меня спрашивали, что там, и как, и почему я единственный, который вышел с «мандатки» и не принятый, и не отправленный обратно. Я сказал, что надеюсь на зачисление в курсанты. Они отстали. Уже перед обедом меня опять вызвали «на ковер», где объявили, что меня принимают учиться в училище не за мои, откровенно говоря, плохие результаты на вступительных испытаниях, а в зачет прославленных дедов, геройски погибших на войне, и моей будущей отличной учебы, будучи курантом училища. Я поблагодарил, и заверил их, что буду учиться на «хорошо» и «отлично», по разрешению вышел из комнаты на улицу с широкой улыбкой на лице. После приема пищи в столовой, куда нас ежедневно водили строем, я отпросился, у старшего нашей команды, сбежать на телеграфную станцию, чтобы отправить домой телеграмму с радостной вестью. В телеграмме, которую я отправил домой, было три слова, но каких! « Я, КУРСАНТ СВТКУ!» Утром, после окончания завтрака, прибывший с расположения училища сержант в солдатской форме и в сапогах, перечислил по списку абитуриентов, меня в том числе, подлежащих убытию в курсантскую роту с личными вещами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.